

Жизнь земледельца зависит от милости небес и плодородия земли. Для крестьянина горсть плодородной земли — настоящее сокровище.

У семьи Лю было немного полей. Несколько лет назад, по примеру односельчан, они расчистили участок на склоне холма за домом. Но в деревне почти не осталось свободной плодородной земли, и им достался каменистый, песчаный надел. Вот уже три сезона они сажали на нём урожай, а камней в земле меньше не становилось.

Мелкую гальку из такой почвы не выбрать никогда, но и камней размером с кулак или куриное яйцо было предостаточно.

На песчаной земле пшеница не росла, поэтому здесь сажали в основном неприхотливые культуры вроде соевых бобов или батата. Приближался третий месяц, а значит, через месяц-другой настанет время высаживать бататную лозу, и землю нужно было как следует подготовить.

За работой Лю Цишуан всегда был предельно сосредоточен. Он не бродил по полю с корзиной как придёт, а мысленно делил участок на ровные борозды. Словно старый вол, он методично проходил ряд за рядом, не упуская ни единого уголка. Он не только подбирал камни с поверхности, но и выковыривал серпом те, что прятались в песчаной почве.

— Шуан-шуан, мелочь-то оставь, — окликнул его дедушка Лю. — Собирай только крупные, чтобы твои родители не споткнулись. А то решат, что ты отлыниваешь, и опять попадёт.

Рядом с дедушкой стоял совок, доверху наполненный камнями размером с кулак. Увидев, что внук складывает в корзину даже камешки величиной с грецкий орех, он счёл своим долгом вмешаться.

Лю Цишуан об этом не думал. Он рассуждал просто: его родители не вечны, рано или поздно эта земля станет его. Если он постареется в этом году, в следующем будет легче. Так, за несколько лет, поле очистится от камней и станет плодородным.

Но, поразмыслив, он решил, что дедушка прав. Зачем нарываться на неприятности? Его родители ещё не стары, так что спешить некуда. Он послушно кивнул и принялся собирать только большие камни.

Камни были тяжёлыми. Наполнив корзину лишь наполовину, её уже приходилось тащить к краю поля и высыпать в заросли сорняков. Высыпав камни, Лю Цишуан обернулся и увидел, как на склон поднимается Вань Дунъян, направляясь прямо к их полю.

Они почти не разговаривали. Слишком большая разница в возрасте, да и положение семей

разное — в обычные дни их пути не пересекались. А после недавнего недоразумения Лю Цишуан и вовсе боялся подходить к нему.

Но одно дело — бояться заговорить, и совсем другое — бояться его самого. С тех пор, как в семье завели разговоры о его замужестве, в его мыслях был лишь один человек.

Вань Дунъян был известен своим крутым нравом, он мог побить кого угодно. Лю Цишуан помнил, как позапрошлым летом тот избил даже одного из своих двоюродных дедов. Но Вань Дунъян был не только вспыльчив, но и добр сердцем. Когда обидели его двоюродного брата, он заступился за него, не побоявшись даже того, что обидчик был учеником-туншэном.

«Он так хорошо относится к своему двоюродному брату, — думал Лю Цишуан, — значит, и к своему фулану он будет добр».

В мыслях он уже видел себя его фуланом, но вслух не смел произнести ни слова.

Лю Цишуан остановился, не дойдя до дедушки, и присел на корточки, делая вид, что собирает камни. Но хоть тело его и замерло, глаза то и дело украдкой посматривали в сторону Вань Дунъяна.

Он увидел, как тот что-то сунул в руки дедушке и ушёл. Лишь когда Вань Дунъян отошёл на приличное расстояние, Лю Цишуан осмелился подойти.

— Дедушка, зачем он приходил? — спросил он, всё ещё немного опасаясь. Сегодня он толкнул его в залитое водой поле — смелости ему было не занимать.

Дедушка Лю, увидев внука, усмехнулся и, словно фокусник, вынул руку из-за пазухи. На его ладони лежали два красивых пирожных.

— Это он тебе передал? — глаза Лю Цишуана от радости превратились в щёлочки, и даже их разница в размере стала почти незаметной.

У песчаной почвы было одно преимущество: она не так сильно пачкала руки, как чернозём. Лю Цишуан отряхнул ладони, взял одно пирожное и тут же отправил его в рот. Лишь когда сладость растеклась по языку, он спохватился и велел дедушке тоже есть.

— Дедушка, не оставляй на потом, ешь скорее.

Когда Лю Цишуан ел что-то вкусное, он никогда не глотал большими кусками, а смаковал понемногу, чтобы подольше сохранить приятный вкус во рту.

Он даже не жевал, а держал кусочек пирожного во рту, медленно рассасывая его и

наслаждаясь сладостью. Взгляд его упал на второе пирожное, оставшееся в руке.

Оно было небольшим, размером с куриное яйцо, но идеально круглой формы. Молочно-белое, с красной точкой в центре, оно состояло из двух слоёв. Снаружи — хрустящая ароматная корочка, а внутри — сладкая начинка нежно-розового цвета. Откусишь — и во рту смешиваются сладость и аромат.

Дедушка Лю, глядя на то, с каким аппетитом внук уплетает угощение, протянул ему последнее пирожное, а затем похлопал себя по груди, показывая, что у него ещё есть.

— Парень из семьи Вань дал несколько штук. Ешь скорее, а я сейчас руки помою и тоже съем.

— А? О, хе-хе, — услышав, что дедушка собирается мыть руки, Лю Цишуан смутился и поспешно показал свои ладони. — Они чистые, земли нет.

— Ничего страшного. Не мыто — не ядовито, — сказал дедушка и, нагнувшись, снова принялся за работу.

Теперь у Лю Цишуана в руках было ещё одно пирожное, и он стал щедрее. Жуя, он смотрел на удаляющуюся в сторону Южной горы фигуру и бормотал себе под нос:

— С чего это он вдруг пирожные принёс?

Лю Цишуан недоумевал. Неужели вода в поле ему на голову повлияла?

— Парень из семьи Вань спрашивал меня, из какого дерева лучше всего делать раму для переноски грузов, — сказал дедушка Лю. — Совсем меня запутал. Какая разница, из чего делать раму? Неужели он собирается передавать её по наследству? Лишь бы была изогнутая, чтобы дрова вязать, и... кхм, кхм-кхм... и ладно.

Дедушка, видимо, разговорился и закашлялся. Откашлявшись, он продолжил:

— А парень-то вежливый оказался. Я ему просто назвал несколько пород деревьев, а он мне пирожные сунул. Выглядит грозно, а на самом деле неплохой человек.

Дедушка Лю снова посмотрел в ту сторону, куда ушёл Вань Дунъян, и подумал, что тот вовсе не грозный, а даже очень красивый, как его старший брат в молодости. Только вот характер у него крутой, не то что у брата, который нравился всем девушкам и гэртам.

Лю Цишуану сейчас было не до Вань Дунъяна. Кашель дедушки резал слух, и он поспешил спросить о цветах мушмулы. Дедушка был стар, много повидал, наверняка обошёл все окрестные леса и знал, что где растёт.

— Дедушка, где в горах можно найти дикую мушмулу? — ему нужно было как можно скорее собрать цветы для семьи Цзян, пока они не отцвели.

— Дикую мушмулу? Есть, но далеко, — дедушка Лю посмотрел в сторону гор за домом семьи Вань.

Проследив за его взглядом, Лю Цишуан понял: нужно идти в горы за деревней. Он решил отправиться туда завтра. Если задержится, ничего страшного: скажет, что поздно закончил работу у семьи Вань. Его мать на людях была сущим ангелом и никогда бы не посмела пойти к ним и что-то выяснять.

Приближался третий месяц, и дни становились длиннее. Дедушка с внуком работали на склоне почти три часа и вернулись домой лишь под вечер.

Войдя во двор, они увидели, что Лю Цунсян уже ужинает, и никак на это не отреагировали. Они ели из разных котлов, так что это их не касалось.

Дедушка с внуком присели на корточки у сточной канавы, чтобы помыть руки. Повернувшись к матери спиной, Лю Цишуан строил дедушке рожицы и незаметно показывал на свою грудь.

Лю Цунсян сидела у стены кухни и ела, не обращая на них ни малейшего внимания. В её миске был белый рис и жареная с овощами вяленая свинина. Вяленина имела такой сильный аромат, что даже сковорода, на которой её готовили, надолго сохраняла запах мяса.

— Дедушка, нарви немного нежных листьев толстокожей капусты, а я пока замешу тесто, — сказал Лю Цишуан, решив отослать дедушку. Пирожное было маленьким, и пока тот будет рвать листья, он успеет его съесть.

Сегодня они полдня собирали камни, и не только штаны и рукава, но и ногти были полны земли. К счастью, песчаная почва не так въедлива, как чернозём, и легко смывалась.

Отряхнув руки, Лю Цишуан встал. Он решил сегодня не готовить пампушки на пару, а испечь лепёшки. Мать только что жарила вяленину, и в сковороде наверняка остался аромат.

Лю Цунсян, услышав слова сына, даже глазом не моргнула. Она смотрела вдаль. Муж ушёл два дня назад, и неизвестно, когда вернётся. А у неё всего два дня назад закончились месячные — лекарь говорил, что в эти дни легче всего забеременеть.

Она не могла прожить всю жизнь с одним лишь гэрмом. Ей нужно было родить сына. Сын — это опора для них с мужем в старости, это возможность поднять голову перед свёкром и свекровью.

Те две старухи из семьи Вань родили своих третьих сыновей, когда им было уже за тридцать.

Значит, и она сможет. Наверное, долгожданные дети приходят поздно, и её сын тоже родится, когда ей будет за тридцать.

Поужинав, Лю Цунсян отнесла миску в дом. В это время Лю Цишуан как раз насыпал муку. Она даже не взглянула на него. В их доме кукурузная и пшеничная мука хранились отдельно. Пшеничная мука была не для них, и она была уверена, что этот мальчишка не посмеет её тронуть.

— Завтра в доме семьи Вань веди себя прилично. Не набрасывайся на еду, как голодный волк. Если на столе будет мясо, не ешь много, попробуй кусочек — и хватит. Не то люди подумают, что мы тебя дома морим голодом, и ты при виде мяса ведёшь себя как кошка, учуявшая рыбу.

— Я знаю, — в деревне дети с подросткового возраста ходили на подработки. Но если это была не работа у помещика, денег за неё не платили, только кормили.

Деревенским жителям особо не о чем было говорить. Встречаясь на дороге или заходя друг к другу в гости, они обсуждали, кто кому помогал, сколько работы сделал и сколько съел. Про Чжун Ючжэнь, из-за её большого рта, говорили, что она одна съедает за троих.

Лю Цишуан не хотел, чтобы о нём шла такая же дурная слава. К тому же он шёл в дом семьи Вань не помогать, а отрабатывать долг. Какая там еда? Мать зря надеется.

Но...

Если в доме семьи Вань поесть не удастся, то дома — вполне.

Как только мать вышла из кухни, Лю Цишуан сунул руку в мешок с пшеничной мукой и, зачерпнув две большие горсти, высыпал их в миску. Сегодня мать ела вяленину, значит, и им с дедушкой тоже положено что-то вкусное.

Кукурузная мука с добавлением пшеничной и вправду стала вкуснее. Перед дедушкой и внуком стояли миски с овощным супом, а посреди стола в глиняной чаше лежали несколько бледно-жёлтых кукурузных лепёшек. Их жарили без масла, поэтому корочка местами подгорела, но это их ничуть не смущало.

Кукурузную муку трудно смолоть мелко, в ней всегда попадают частички шелухи. Но нежная пшеничная мука смягчила её грубую текстуру, а лёгкий аромат вяленины придавал лепёшкам особый вкус. Дедушка с внуком ели с большим аппетитом.

Выпив последнюю ложку супа, Лю Цишуан сыто рыгнул, но тут же скривил губы с сожалением.

В эти дни, пока отца не было дома, он осмелел. Сегодня он не только тайком взял пшеничную

муку, но и хотел налить немного ароматного уксуса, чтобы макать в него листья. Нежные листья толстокожей капусты с уксусом — это так вкусно! Но дедушка, боясь, что его побьют, не разрешил. А что, если бы он всё-таки поел?

Ну, побила бы его мать, и что? Дала бы пару раз по рукам, по спине или по голове. Он не боялся её кулаков.

После ужина дедушка Лю пошёл в огород. Там ещё оставался последний урожай капусты «вавацай», которую нужно было собрать и засушить.

Когда Лю Цишуан убрал со стола и вымыл посуду, на улице уже смеркалось. Мать отложила своё шитьё и собиралась идти в дом. Он взял веник в углу и направился в уборную.

С каждым днём становилось всё теплее, и дедушке в коровнике было, наверное, всё тяжелее. Пока кашель не пройдет, нужно убирать там почаще. Когда он вернётся с отработки у семьи Вань, сплетёт ему соломенный матрас. Он должен защитить от большинства насекомых.

Пока придётся так. А когда он принесёт лекарство от семьи Цзян и дедушка поправится, тот сможет вернуться в сухой и чистый дровяной сарай.

<http://bllate.org/book/13415/1194065>